

**Мотив «зависти богов» в римской исторической традиции эпохи принципата
(на примере творчества Тита Ливия и Луция Аннея Флора)**

Научный руководитель – Васильев Андрей Владимирович

Худяков Андрей Димитриевич

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st107606@student.spbu.ru

Для людей эпохи Античности, мировоззрение которых во многом определялось верой в сверхъестественное, совершенно естественным было представление о полной власти богов или случая не только над жизнью индивида, но и над всей природой. Однако древняя идея о безусловной «благости» богов со временем неизбежно претерпевала изменения, в результате чего боги наделялись негативными характеристиками, присущими в первую очередь смертным – во многих традиционных обществах одним из самых распространённых подобных качеств была зависть, которая могла проявляться богами в самых разных обстоятельствах и формах [3, с. 132–133]. Подобное примитивное «свободомыслие» гармонично сочеталось с господствовавшей в сознании греков и римлян консервативной идеей нравственной чистоты предков, на которую необходимо равняться, вследствие чего наиболее популярным сюжетом в античной литературной традиции, иллюстрировавшим проявление божественной «зависти» или «ревности», являлось наказание для отдельных личностей и целых народов за проявление непомерных амбиций, за честолюбие.

Истоки цельной этико-теологической концепции о зависти богов (*phthonos theon*) к сколько-нибудь излишнему благополучию, счастью или богатству смертных можно обнаружить уже в древнегреческом героическом эпосе, позже она получила развитие в сочинениях лириков, после чего в V в. до н.э. Геродот логически оформил её, придав ей оттенок, смысл высшей справедливости (Hdt. VII. 46), в том числе перенес её на сферу социальных отношений [2, с. 116–123]. И хоть у виднейших представителей греческой историографии сверхъестественный элемент отсутствовал как таковой – Фукидид отказывается от интерпретации событий как результата «зависти богов», отрицает возможность воздействия высших сил на исторический процесс, выдвигая на первый план человеческий фактор, например, зависть людей друг к другу – однако подобный метод толкования окружающей действительности всё-таки сохраняется. Примером здесь может выступать наследие Диона Кассия, творившего на рубеже II и III вв. н.э., т.е. в эпоху заката «золотого века» Римской империи, проявившегося как в социально-экономическом, так и (отчасти) аксиологическом кризисе – хоть данный автор и не считал ход истории predetermined, но он допускал влияние на него иррациональных аспектов, в том числе и «зависти богов» [1, с. 266, 269].

Для римской литературы – и для художественной, и для историографии – мотив *phthonos theon* был не менее актуален в силу и ярко выраженного в римской культуре моралистического компонента, и очевидного желания оправдать успехи своего государства божественным благоволением, а неудачи – метафизической причинностью [6, р. 51; 8, р. 220]. Для римской общественной мысли и периода республики, и принципата был особенно характерен акцент на проблеме упадка нравов, якобы столетиями определявшими духовный облик *civitas* и поведение её членов. Однако если тот же Саллюстий, следуя примеру Фукидида, полностью сконцентрировался на человеческой составляющей в истории, то жившие уже в эпоху империи Тит Ливий и во многом опиравшийся на него Флор хоть в

целом и придерживались сформулированной предшественником теории *metus hostilis*, но, ставя во главу угла стремление драматизировать события путём насыщенного эмоциями повествования, дополнили её влиянием неподвластных человеку процессов: речь прежде всего о взаимодействии категорий *Fortuna* и *Virtus* (Flor. I. 1. 2), которые в том числе являются отражением противоборства человеческих добродетелей и божественного начала [4, р. 38, 46–47]. При этом всё же стоит отметить наличие некоторой концептуальной преемственности греческой и римской трактовки проблемы «зависти богов»: постепенный переход «зависти» из мифологической сферы в область (условно) социальной психологии, указание на «ревность» абстрактных высших сил к успехам народа без упоминания конкретного разгневанного бога, что можно объяснить как особенностями мифологического мышления как такового, так и переосмыслением римскими мыслителями эпохи принципата греческой мысли [2, с. 118].

Тит Ливий, рассказывая о событиях политической истории Рима, уделяет серьёзное внимание воле богов [8, р. 237], однако он – в этом он схож во взглядах, к примеру, с Полибием – не оправдывает её всё; она преимущественно пассивный фактор истории: скорее именно страх перед возможной завистью богов влиял на действия граждан, нежели непосредственно «ревность» богов (Liv. V. 21, 14–15; 27, 10–15), стремление сохранить спокойствие богов способствовало процветанию *civitas*. У Ливия упоминания о божественном участии, как и у многих греческих авторов, имеют, по большей части, мимолётный, частный характер, подчинены более значимым авторским целям, установкам; высшая воля у него существует в контексте глобальных процессов [7, р. 8]. Зависть между людьми и «зависть богов» во многом существуют отдельно. В этом заключается основная разница трактовок Ливия и Флора проблемы *phthonos theon*: Флор в «Эпитомах» прочно связывает моральный и божественный факторы, именно зависть как богов, так и самой судьбы к достижениям квиритов является двигателем исторического процесса (Flor. I. 7, 1; II. 13, 1), она вызывает гражданские войны и конфликты с другими народами, она косвенно влияет на упадок нравов [5, с. 116].

Источники и литература

- 1) Марков К. В. "Сверхъестественное" и "чудесное" как категории исторического мышления Диона Кассия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6-1. С. 266–270.
- 2) Согомонов А. Ю. Феноменология зависти в древней Греции // Этическая мысль: Науч.-публицист. Чтения. 1990. С. 106–138.
- 3) Фалёв Е. В. Зависть богов: опыт герменевтической апологии // История и теория культуры : альманах : посвящается 80-летию воссоздания философского факультета в структуре Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 2021. Том Выпуск 3. С. 132–159.
- 4) Gryksa E. The idea of deceit in Epitome de Tito Livio by Florus // Scripta Classica. 2017. № 14. P. 37–49.
- 5) Hose M. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart–Leipzig: BG. Teubner, 1994. XII. 522 s.
- 6) Liebeschuetz W. The Religious Position of Livy's History // The Journal of Roman Studies. 1967. Vol. 57. № 1/2. P. 45–55.
- 7) Miles G. B. The Cycle of Roman History in Livy's First Pentad // The American Journal of Philology. 1986. Vol. 107. № 1. P. 1–33.

- 8) Śnieżewski S. The philosophy of history in Livy's "Ab Urbe Condita". Kraków: Księgarnia Akademicka, 2000. 244 p.